

Елена Безызвестных

Надо быть душой

Буллинг – травля, агрессивное преследование одного из членов коллектива.

Кибербуллинг – интернет-травля, оскорбления в сети.

Надя (2001 год выпуска)

Дура

Вначале меня звали Душой.

Почему-то так называли те, кто видел впервые. Наверное, виной моя привычка задумываться с открытым ртом, замирать. Я не знала, в чём дело было.

Помню, как во дворе проходила мимо пацанов, свесивших ноги с обшарпанной трубы. Один из них повернулся ко мне и с насмешливым спокойствием сказал: «Девочка, ты не представляешь, какая ты Дура!» Я их не знала. Я их видела впервые в жизни.

А они узнали меня, потому что я – Дура.

Одна такая на весь двор. Впрочем, не только двор. Меня знали все. И где бы я ни появлялась, везде за мной гналось моё проклятье. Везде чествовали Дуру.

Даже дома не получалось скрыться. Окна первого этажа – вровень с бетонным забором, окружавшим стройку. Мальчишки, балансируя на заборе, увидели меня в окне. Я стояла посреди комнаты с игрушкой, с зайцем Ушастиком, грязно-белым с чёрными пуговками-глазами. Смотрела на них, а они почему-то начали смеяться. Хохотали и показывали пальцем. А потом, когда наступил вечер, я задёрнула занавески, а они – опять на заборе напротив моего окна. Из комнаты слышала их крик:

– Олее, оле-оле-олеее! Дурааа, дура-дура-дурааа!

Мне негде было спрятаться.

Меня преследовали. За мной следили. Безликие, они окружали и наблюдали издалека, звали: «Дура, Дура».

На одной из стен моего дома до сих пор написано: «Девочка – Дура»! Когда-то я обходила это место, не смотрела, боялась увидеть. Мне было стыдно.

По выходным мама брала меня на дачу. Там двое пацанов, соседи напротив. Они, кажется, целыми днями следили за мной. Их дача – через дорогу, но я всё слышала. Один сказал другому: «Давай поиграем в Дуру. Я буду Дурой, а ты – мамой». И они изобразили, как мы с мамой тащили ветки на свалку. «Мама» несла на плече, а «Дура» волокла за собой, потому что маленькая и тяжело.

А когда мы с мамой шли домой с электрички, сзади нас бежала девчонка, моя ровесница, и кричала: «Ду-ра! Ду-ра! Ду-ра!» И видя, что я не реагирую – ещё громче: «Девочка, ты Дура!!!»

Тогда мама повернулась и прикрикнула: «А ну-ка, пошла отсюда! Я твоей матери расскажу!»

И девочка убежала. Мне показалось, это Инна, моя одноклассница.

– Ты что, расстроилась? – спросила мама. – Это неадекватная девочка. Разве можно назвать незнакомого человека – дурой?

Можно, мама. Меня – можно.

До того, как я родилась, мама была актрисой. Моё рождение – поступок бесстыдный, из-за него мама оставила театр. Так и говорит: «Я на тебя всю жизнь положила, а ты...» Дальше может быть: не вынесла мусор, не сделала уроки. Не закрыла сессию, не вышла замуж, до сих пор мне внуков не родила.

Мама ушла из театра и продолжила играть в семье. Играет она в тесной кухне, где на лампочку без плафона опасно смотреть, как на солнце. Распаренная жаром кастрюль, такая большая и сияющая в электрическом свете, кричит:

– У тебя форточка закрыта? Щас проверю!

Больше всего на свете мама боится форточки. В душевой комнате пахнет порошком: мама следит за чистотой.

Не знаю, что мама за человек. Но чувствую. Ощущаю её как большого нежного зверя, дику медведицу. У неё короткие толстые пальцы и огромная грудь. Она говорит, что долго кормила меня грудью и теперь, когда я вижу эту грудь, злюсь, будто когда-то переела сладкого молока и не хочу больше. Будто инстинктивно защищаюсь от чего-то. Мамина нежность – давящая, нависающая надо мной безнадёжным дождевым облаком.

Из комнаты прислушиваюсь. Неровные, хромающие шаги – на кухню входит папа. Джесси спрыгнула с табуретки и мяучит, просит варёное яйцо, а папа говорит, что она кошка аристократических свойств, раз только яйца жрёт. Однажды мы с папой подвесили вилку с наколотым на неё яйцом к потолку, и тогда Джесси прыгала высоко-высоко. Мы радовались, что она прыгает. Мама кричит, а папа терпит, потому что считает себя мудрым.

– Расселся, как свинья! Сажни расставил. А ну-ка кышь! – у мамы задорный, вовсе не злой голос, зато громкий, аж тарелки звенят. Папа что-то отвечает, спокойно и тихо.

В такие моменты нужно сжаться и ждать. Мама лепит пельмени к папиному дню рождения, а праздники она любит. Когда праздник, мама перестаёт про форточку. Наверное, оттого, что в театре всегда был праздник, – работа такая.

Мама из деревенской семьи, по-деревенски бойкая, но с повадками первой актрисы столичного театра. Губы накрашены ярко-красной помадой, ресницы – советской тушью за копейки. Кто знает, откуда у неё эта тушь, с каких времён? Мочки ушей оттягивают тяжёлые золотые серьги, а чёрные волосы с перьями проседи она заплетает в косу, совсем уже тонкую, но длинную и упругую. Когда мама лепит пельмени, с силой сжимая твёрдое тесто, коса хлыстом бьёт по спине.

Я люблю маму, но никогда не говорю об этом. Кажется, если скажу, почему-то станет больно.

Я была Дурой, а мама за меня боялась, пугалась размашистыми движениями, будто подгребая под себя пространство квартиры.

– Бедная твоя матерёшка бьётся, бьётся, а всё без толку! – врывалась в мою комнату, и нутро фортепиано гулко откликалось. – А ну-ка надень берет!

Ребята во дворе смеялись над маминым беретом, в который проваливалась моя голова. «Дура в берете!» Мама, конечно, не знала, что я Дура, а я и не думала рассказывать.

Когда я пошла в первый класс, мама испугалась, что в школе заразные унитазы в туалетах. Велела подстилать газетку, чтобы садиться на них, что, конечно, послужило лишним поводом для насмешек.

Мама боялась, что я замёрзну, заражусь, испорчу глаза долгим чтением. Не поняв, почему она запрещает мне читать – может, она мне и говорила, но детский ум не

удержал причину, – я читала тайком под кроватью, и быстро-быстро прятала книгу, когда она заходила!

– Опять читала? – мама в дверях, готовая к сражению, руки в бока, грудь вперёд.

– Н-н-нет, мам, что ты.

После долгого чтения под кроватью глаза действительно испортились.

Зато «запретных» книг прочла много. Для меня все книги были запретными. Что делало их гораздо интересней – волшебные сказки, от которых жизнь моя светилась не режущим светом лампочки без плафона, а светом иным, звёздным. Они кричат: «Дура!», но внутри меня есть что-то, отчего я не растворяюсь в их крике, что-то – и оно меня держит. Не знаю, как назвать это «что-то». Но оно пришло из сказок под кроватью.

Мы становимся теми, кого любим. Тревога шумной мамы-актрисы наэлектризовывала комнату, перемешиваясь с материнской нежностью, а я всё чувствовала, впитывала. И боялась, как мама.

Боялась болезней – так сильно, что вскоре стала падать в обморок. Одноклассники и учителя не знали, что это я от страха. Они думали, я чем-то болею. Я ненавидела уроки валеологии (науки о здоровье, чёрт бы её побрал!), на которых нам рассказывали про страшные заболевания. Бледнела, поднимала руку: «можно выйти?», выбегала из класса под дружное гоготание. Вокруг белело, чернело, ударяло в голову, хотелось прилечь, опереться, а коридор звенел и засасывал, воздух густел и качался, я дышала, дышала, плыла в искривлённом пространстве, держась за подоконник, а рядом какие-то люди говорили глухо, будто из глубоководья, и тыкали в лицо ваткой с нашатырём. А потом всё кончалось, отступало. И я шла на урок.

Болезни, а чего их бояться? А я жила и убеждалась: боюсь не напрасно. Сколько всего по телевизору передают: то эпидемия какая-нибудь новая, и марлевые повязки уже раскупили, то умер кто-то от гриппа, а ведь есть ещё СПИД, а мама говорит, надо мыть руки, везде микробы.. Впрочем, решилась: одолею страх! И залезла меж двух стульев с толстым медицинским справочником. В голове мутилось, кружилось, расходилось красными, жёлтыми пятнами, рваными кругами. Читала названия и описания. Вот есть панариций. Пангипопитуитаризм, панкреатит, панникулит. Функциональная недостаточность всего, инфицирование какой-то жутко непрогнозируемой области и вершина ужаса: бугристая родинка, внешним видом напоминающая папиллому. Оперативное вмешательство? При необходимости.

Вырывалась из медицинской западни, из кровавистых терминов, пахнущих мочой. Я раскидывала стулья.

Боялась вспышки фотоаппарата. На детских фотографиях я похожа на слепого котёнка, с крепко зажмуренными глазами и слипшейся чёлкой. Напрасно бедняга фотограф уговаривал взглянуть на него, я знала: фотоаппарат мог оказаться ружьём. В одной сказке так обманули волка. Сказали, что хотят сфотографировать. И застрелили. Бедный волк! Не то, что бы я всерьёз полагала, будто меня застрелят. Но когда хищный фотограф ставил нас к стенке, как перед расстрелом, я впадала в панику.

Потом мне, конечно, объяснили, что мой страх вполне рационален: по народному поверью, когда человек фотографируется, у него отбирают часть души.

Конечно, я боялась смерти.

Одни говорят, жизнь после смерти есть; другие вздыхают – нет там ничего. Миллионы лет не могут определиться. «Но я-то наверняка вычислю!» – решала я, и вставала на колени пред пыльным папиным шкафом, и искала ту самую книгу, в которой есть ответ. Ходила в библиотеку, которая стала моим храмом, где в тишине зажигала настольную лампу, пред которой преклонялась в благоговении (мама говорит: «глаза порешишь»). Пропадала в интернет-классах – о волнительное начало электронной эры!

Я узнала о смерти многое. «Мы разноцветные души, а вообще-то просто двоечники, пришедшие на Землю, чтобы усвоить уроки», – твердили под гипнозом пациенты Майкла Ньютона из Калифорнии, и я верила ему. Этот ваш Майкл Ньютон – шарлатан, говорили другие, а ваш Монро так вообще.

– Что там? – спросила нейрофизиолог Наталья Бехтерева умершего мужа, навестившего её во сне. Он пришёл сообщить, где лежит неизданная рукопись.

– Ничего, – ответ Бехтереву удивил. Она была верующим человеком и ожидала другого.

– Но из ничего нельзя прийти!

– А вот умрёшь... узнаешь.

И мне почему-то казалось, что и из Ничего прийти можно.

Зигмунд Фрейд, великий Фрейд, по заветам которого живут любители секса и подсознания, сказал, что мы не боимся смерти. Нам только кажется, что мы боимся. Дедушка Фрейд оказался хитёр: сходу заявил – нельзя бояться того, не зная чего! Откуда ты знаешь, что такое смерть? Ты хоть раз умирал? Его идея меня поразила. Ведь действительно, я ни разу в жизни не умирала. странная мысль. Смерть у каждого своя. Кто-то боится потерять контроль над своим телом. Кто-то переживает за оставленных родных.

Моя смерть принимала разные лики. Гаража, с которого обязательно нужно спрыгнуть в сугроб, иначе они будут смеяться. Толстого медицинского справочника. Домового, каждую ночь бегающего по моей комнате.

Но папа сказал: смерти нет, есть только переход. Душа улетает и печалится лишь о том, что не докричаться до плачущих родственников, и никто не понимает, как ей хорошо. Я верила папе – не потому, что он лучше знал, а потому, что он папа.

Однако вот что странно: говоря о душе, папа беспокоился о теле. Он боялся, его будут поедать черви, и он почувствует, как они прорывают норы, проникают в гниющие мышцы, а растения цепляются корнями, впиваются, высасывают остатки тканей. Чувствовать себя от первой иллюзии бессмертия до последней съеденной клеточки тела, каково это? Мы приходили к папе, я и Джесси, помолчать и посмотреть, как за окном ветер усиливается, облака набухают, превращаются в тяжёлые, будто беременные, тучи, синие нарывы, сплетение нервов, готовых разорваться. Папа глядел на меня с усилием – взгляд гипнотизёра под колючими густыми бровями – он говорил:

– Хочу, чтоб меня кремировали. Ты скажи маме!

Добавлял мечтательным голосом:

– А пепел бросить в реку. Лучше в Енисей, я ж в Красноярске родился, хорошо бы. Но далеко. Можно и в Обь.

У папы болят ноги, и он почти всегда на диване. Обычно папы быстроходны, где-то гуляют и, если надо, дерутся. Такой папа мне бы не подошёл: бегают, суется, сам не знает, чего бегают. Мой папа похож на дуб, в тени которого отдыхают волшебные звери. Или на мудрого удава, неповоротливого, и именно потому почитаемого.

В юности папа был пловцом. После института работал в секретном городе, где получил облучение радиацией. Он с таким воодушевлением говорит это: «в секретном

городе», что сразу хочется найти этот город и туда уехать. В бедре у папы стальной протез, на рентгеновском снимке похожий на светящегося человечка – человечек склонился и молится. Впервые за много-много лет папа идёт в бассейн – боль в ногах утихла, пусть ненадолго, и папа хочет воспользоваться передышкой, ощутить воду. Как давно он не плавал! Папа в себе не сомневается, ведь у него разряд по плаванию. Привычным движением ныряет с бортика. И неожиданность: протез тащит папу ко дну. Совсем забыл про протез, цепляется за бортик, и как он мог забыть, это не его, это чужие ноги!

Вечером за столом, пахнущим сладкими духами, папа по трафарету рисует турбину, питательный насос, цирк. насос (весёлый, как в цирке), трубы, задвижки, конденсатор и генератор, красным горячую воду, а холодную синим – я знаю, как всё это рисуется. Потом радуется тому, что нарисовал, всем объясняет. Похоже на то, как я иногда показываю свои рисунки маме и папе. Только для папы это всё – работа.

Есть у папы и другая работа, ещё более замечательная. К папе приходят люди, много людей каждый день. В основном женщины. Перед их приходом папа накрывает стол скатертью – мама специально погладила. Бреется, моет голову и расчёсывает редкие серебристо-чёрные волосы. Заваривает чай. Выгоняет Джесси с кресла, а потом счищает шерсть, поглядывая на часы. Надевает белую рубашку, душит парфюмом с запахом сигар и зажигает три свечи. Мой папа – экстрасенс.

Он берёт маятник, сплюснутый деревянный шарик на ниточке, и через него разговаривает с Информационным Полем. Если ответ «да», маятник качается сверху вниз, «нет» – справа налево, но можно и наоборот.

Мама говорит: «бакулкой трясёт».

А ещё она говорит, что если бы не папа, мы не смогли бы прожить на мамины деньги втроём.

Иногда папа проводит сеансы на расстоянии. Мне нравится смотреть. Папа вызывает незримый «фантом», читает молитву, и христианская молитва, вопреки заповедям, сопровождает колдовство. «Негативную энергию» папа стряхивает мукой на невидимого дракончика.

– Пап, он пересел! Вот сюда!

– Правда? – улыбается с недоверчивым интересом.

Конечно, что дракончик пересел, я придумала. Мне нравится, что папа слушается.

Жизнь и смерть – игра, но они, солидные люди, папины пациенты, не знают этого. Это наш с папой секрет. Мне нравится, когда они нас боятся.

Вообще мне нравится управлять родителями. К примеру, мама боится, когда я болею.

Лежу с температурой, встану – слабею, лечь хочется. Мама заваривает лекарства, а я думаю, что настало время для эксперимента. Что я, не актриса, что ли?

Начинаю плакать и делать вид, что умираю. Мама пугается, говорит: «Не уходи!». Внутренне торжествую.

– Куда не уходить? Я тут лежу, – претворяюсь я, будто не понимаю, «куда» она меня не отпускает.

У папы много теорий. Например, он рассказал мне, как появились люди на Земле. Есть люди – потомки обезьян. Другие – инопланетян, прилетевших на Землю в глубокой древности. Иные – потомки тех легендарных первых людей, которых создал бог.

Потомков обезьян узнать легко. Можно увидеть, как они кривляются на камеру в каком-нибудь телешоу или в транспорте, злые или по-глупому радостные. Бывает, обнаружат себя, когда полезут к окошечку регистратуры без очереди, обернутся, и прочтёшь во взгляде: «Мы-то вон, эволюцию прошли, а ты-то чего?»

Люди-инопланетяне. Политики с прохладным взглядом, скользящим по поверхности; со странными, необъяснимыми лицами, которые хочется сдёрнуть с них, убедиться – маска! Игроки в покер, игроки в жизнь, они оказываются у окошечка регистратуры так неожиданно, что становится обидно. Видимо, прошмыгнули между ног.

Созданные богом нелогичны и способны делать глупости. В очереди травят анекдоты, рассуждают о смысле очереди и регистратуры, жалуются на тусклость ламп и восхищаются чахлым больничным цветочком на подоконнике. Папа полагает, в России много таких. Бог создал их по образу и подобию своему. Глядя на них, можно решить: этот бог был порядочным чудаком.

В каждом из нас присутствуют гены чистой, изначальной природы. Ген в человеке, божественный, инопланетный или обезьяний, передаётся от отца или от матери. Как повезёт.

Я надеюсь, что меня создал бог.

Милана (2031 год выпуска)

Фокус

Мы привыкли, что многие истории начинаются одинаково. К герою приходит некто, кто говорит ему: «ты избранный». Или герой ловит дуновение промозглого ветра и понимает: да. Это оно! Я – избранный. Не такой, как они все, потому-то от меня зависит, каким будет прекрасный новый мир...

Моя история началась по-другому. Однажды я догадалась, что совсем не избранная. Вообще-вообще. Наоборот! Всем было настолько на меня плевать, что я возненавидела писателей, режиссёров и сценаристов, которые (я убедилась окончательно!), ввали. Я совершила открытие – мир создан не для меня. Значит, что бы ни случилось – всё нормально.

Итак, я девочка с обычным для нынешнего времени именем Милана (у нас в школе, например, три Миланы) и я учусь в обычной средней (во всех смыслах) школе. Да, у нас всё, как обычно. Малыши носятся, старшеклассники понтуются, наш класс везде, из столовки пахнет сосисками в тесте. После физ-ры – русский, все невменяемы, какая-то учёба?

Однажды нам с моей подругой Дианой стало скучно. И мы решили действовать. Захотели Елену Викторовну (мы называем её Е.В.) разыграть. Потом-то я поняла, это было с самого начала плохой идеей. Поздно. Помрачение, по-другому не объяснишь.

Чтобы понять, почему мы на такое решились, стоит объяснить, кто такая Е.В.

Она – наша классная, мы любим её. Е.В. ведёт алгебру и геометрию и любит ездить во всякие путешествия с нами. Потому что руководители групп ездят бесплатно! Е.В. бодрая и всегда радостная, типичная пионерка-активистка времён СССР. Тётяшка выросла, а характер остался. Причёска у неё – взлохмаченная, пудель на голове, губы красит ярко, но ей идёт.

Когда мы путешествуем, она играет с нами в поезде в карты. И самое интересное – периодически мухлюет. А ещё Е.В. любит карточные фокусы и занимательные задачки на логику и сообразительность.

Кстати, наш розыгрыш тоже можно назвать фокусом.

Мы Диану спрятали в шкаф. Во время переключки, когда Елена Викторовна скажет: «Фоломенцева!», Диана должна ответить «здесь!» и появиться из шкафа. Смешно? По-моему, очень! Честно говоря, самый смешной момент в моей жизни. И самый странный. До буквы «ф» долго. И я сижу гляжу в окно (смартфоны у нас забирают, не знаю, как у вас с этим в школе). Жду, значит, знаменательного явления лучшей подруги.

Е.В. говорит: «Фоломенцева!» – и тишина. А потом раздаётся грохот. Диана вываливается из шкафа, позади неё рушится полка с книжками. Все ржут. Е.В. вообще не смеётся. Ну смешная же шутка, для вас, Елена Викторовна, блин, стараемся! Лицо Е.В. каменеет, а фигура превращается в грозную статую богини возмездия. Она направляется к Диане и нависает над ней. Настолько серьёзной Елену Викторовну я ещё не видела. И пышные волосы встают, будто наэлектризованные.

– Фоломенцева! Выйди из класса, и завтра ко мне с родителями!

Я пытаюсь не ржать. Честно. Вжимаюсь головой в парту. Но сдавленный смех похож на рыдания, и я выдаю себя.

– Фёдорова! – это я, нас называют «две эфочки» с Дианой, потому что фамилии на «ф». – Вон из класса.

Короче говоря, прогуливаем мы с Дианой сегодня следующие три урока. От души. Е.В., простите нас, пожалуйста!

Диана

Как не прогулять уроки с лучшей подругой? Мы с Дианой дружим со второго класса. Познакомились не в школе, во дворе. «Давай будем дружить!» – сказала я Диане тогда. Жаль, сейчас так с человеком не задружишь, а в детстве-то всё просто было. В пятом Диана перевелась к нам – с тех пор мы везде вместе.

Диана похожа на Билли Айлиш, знаете? Такая американская певица с фиолетовыми волосами, классная. Так вот, Диана, как Билли Айлиш, на русский манер «Беяш», звезда. У неё, как и у Беяш, фиолетовые волосы и она так же всех любит обнимать.

Диана – стример. Играет в Скайрим, во всякие стрелялки, а иногда просто шуршит фантиком перед микрофоном и показывает красивые глаза на камеру – они у неё глубокие, тёмно-синие, прямо океан! Как в песне Билли, помните? У нас с Дианой своё сообщество «Миди». Вы, наверное, догадались, что за Миди: Милана+Диана.